

*Автор
994*

+

**АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СССР**

На правах рукописи

Для служебного пользования

Экз. № 38

ГУЛЯЕВ Анатолий Петрович

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ**

Специальность 12.00.09.
Уголовный процесс; судоустройство;
прокурорский надзор; криминалистика

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

9654

Москва · 1988

*Иск 43/612 деп
22 XI 88*

ВХОД
№ *156-Дец*
29 II 88

854 деп
31 X 88

Ордена Трудового Красного Знамени
Академия МВД СССР

Специализированный совет Д-052.01.02

На правах рукописи

Для служебного пользования

Экз. № 38

ГУЛЯЕВ Анатолий Петрович

9684 см

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Специальность 12.00.09.
Уголовный процесс; судоустройство;
прокурорский надзор; криминалистика

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

код экземпляра

42265

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, старший научный сотрудник **Якубович Н. А.**,
доктор юридических наук, старший научный сотрудник **Ларин А. М.**,
доктор юридических наук, профессор **Томин В. Т.**

Ведущая организация — Главное следственное управление МВД СССР.

Защита диссертации состоится «29» XI 1988 г., в 11.00 час.,
в ауд. 304/06 на заседании специализированного совета по присуждению
ученой степени доктора юридических наук Д-052.01.02 Академии МВД СССР
(125171, Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 8).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Академии МВД СССР.

Автореферат разослан «28» XI 1988 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
Д-052.01.02 Академии МВД СССР
доктор юридических наук, профессор

И. Б. МИХАЙЛОВСКАЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза отмечено: «В последнее время проведена немалая работа по укреплению правопорядка во всех сферах жизни общества. Но усилия в этом направлении ни в коей мере не могут ослабляться. Предстоит и дальше улучшать качество советских законов...

Строжайшим образом должны соблюдаться демократические принципы правосудия, равенства граждан перед законом, другие гарантии, обеспечивающие защиту интересов государства и каждого гражданина»¹.

В новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза записано: «Предметом постоянной заботы партии были и остаются укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, неуклонное соблюдение социалистической законности и правопорядка, улучшение работы органов правосудия, прокурорского надзора, юстиции и внутренних дел»².

Реализация указанных установок партии в полной мере относится и к правовому регулированию деятельности правоохранительных органов, в том числе следователей, выполняющих важную государственную функцию в сфере борьбы с преступностью.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» признана необходимой перестройка работы судов, прокуратуры, милиции и других правоохранительных органов, с тем чтобы они надежно обеспечивали защиту интересов государства и прав граждан, еще эффективнее вели борьбу с правонарушениями и преступностью»³.

В постановлении ЦК КПСС от 2 апреля 1988 г. «О состоянии борьбы с преступностью в стране и дополнительных мерах по предупреждению правонарушений» отмечено, что органы

¹ Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986. С. 77—78.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986. С. 48.

³ Правда. 1986. 30 нояб.

внутренних дел, прокуратуры, юстиции и суды еще медленно перестраивают свою деятельность, не в полной мере выполняют возложенные на них обязанности по борьбе с преступными посягательствами⁴.

XIX Всесоюзная партийная конференция в резолюции «О правовой реформе» признала необходимыми радикальный пересмотр уголовно-процессуального законодательства, значительное укрепление гарантий таких начал советского судопроизводства, как состязательность, гласность, неукоснительное соблюдение презумпции невиновности, укрепление законности деятельности следователей⁵.

Эффективность деятельности следователя зависит от целого ряда факторов, в том числе от того, насколько полно, правильно и в соответствии с объективными потребностями она регулирована законом. Известно, что для юриста закон — это профессиональный инструмент, основа его правомочий в служебной деятельности.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство принято свыше 25 лет назад. За прошедший период в нем выявились проблемы и определенные слабости. Многочисленные изменения и дополнения законодательства так или иначе повлияли на его гармоничность и согласованность. По некоторым позициям правовое регулирование деятельности следователя не в полной мере отвечает достижениям науки уголовно-процессуального права, криминалистики, научной организации труда. В последние годы в публицистической литературе появилось много материалов, которые свидетельствуют о существенных изъянах в системе правовых гарантий законности и объективности расследования преступлений, гарантий прав граждан. Большие сомнения вызывают существенные расхождения в законодательном регулировании деятельности следователя, не оправданные национальными особенностями союзных республик.

Нельзя сказать, что вопросу повышения качества уголовно-процессуального права ученые уделяли мало внимания. Заметный вклад в разработку проблем совершенствования уголовно-процессуального законодательства внесли Г. А. Абдумаджидов, Л. Б. Алексеева, А. Д. Бойков, Б. Т. Безлепкин, И. М. Гуткин, Т. Н. Добровольская, В. Г. Даев, В. Н. Каминская, Л. М. Карнеева, А. С. Кобликов, А. М. Ларин, П. А. Лупинская, А. И. Михайлов, Т. Г. Морщакова, П. Ф. Пашкевич, И. Л. Петрухин, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. Б. Соловьев, В. Т. Томин, Ф. Н. Фаткуллин, А. А. Чувилев, В. В. Шимановский, В. Н. Шпилев, С. А. Шейфер, П. С. Элькин, М. Л. Якуб, Н. А. Якубович и другие ученые.

⁴ Правда. 1988. 13 апр.

⁵ Правда. 1988. 5 июля.

В науке уголовно-процессуального права проведено немало исследований различных правовых институтов, отдельных требований закона, так или иначе связанных с правовым регулированием деятельности следователя, имеется немало предложений по совершенствованию законодательства. Однако, во-первых, далеко не все правовые формы деятельности следователя подвергнуты достаточно глубокому исследованию или вообще были предметом исследования с точки зрения их оптимальности. Во-вторых, имеющиеся научные разработки в части правового регулирования деятельности следователя носят разрозненный характер и не основаны на единой методологической концепции. В результате многие из выдвинутых предложений страдают односторонностью, не согласуются со всей совокупностью уголовно-процессуальных принципов, выводы различных исследователей по отдельным вопросам не совпадают, а иногда и прямо противоположны.

Вместе с тем большое количество предложений об изменении и дополнении законодательной регламентации деятельности следователя в определенной мере отражает неудовлетворенность объективных потребностей рассматриваемым видом регулирования. Потребность в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства имеет под собой объективную основу. С течением времени неизбежно проявляются противоречия между отдельными правилами процессуальной деятельности и объективными потребностями ее улучшения.

Изложенное выше свидетельствует об актуальности совершенствования правового регулирования деятельности следователя и дает основание рассматривать соответствующее научное исследование как разработку крупной проблемы, имеющей важное государственное значение.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является разработка предложений по совершенствованию правового регулирования деятельности следователя на основе комплексного анализа соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Как показывают результаты исследований последних лет, проблема эффективности законодательства оказалась проблемой высшей степени трудности⁶. Видимо, поэтому в юридической науке нет достаточно определенной и законченной теории эффективности или оптимальности права, а также методологии изучения его качества. Это вынуждает обращаться к вопросам методологии исследования по данной проблеме специалистов не только общей теории права, но и отраслевых наук. В настоящем исследовании тоже нельзя было обойтись без предвари-

⁶ Эффективность гражданского законодательства. М., 1984. С. 6; Эффективность закона: как организовать ее изучение // Соц. законность. 1985. № 7.

тельной выработки методологической платформы, что представляло собой промежуточную цель исследования.

Достижение указанных целей обеспечивается путем решения следующих научных задач:

в теоретическом плане:

— разработка концепции оптимальности правового регулирования деятельности следователя (понятия, признаков, критериев и других важнейших компонентов);

— разработка методологии изучения качества правового регулирования, в том числе обоснование системного подхода к исследованию правового регулирования деятельности следователя;

— раскрытие системы норм права, регламентирующих деятельность следователя, как методологической предпосылки исследования их качества;

— выявление закономерностей, тенденций и перспектив развития правового регулирования этой деятельности;

в практическом плане:

— разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части регулирования деятельности следователя;

— истолкование юридической природы, сущности и назначения тех правовых институтов и норм права, которые неоднозначно понимаются в теории и следственной практике;

— анализ некоторых выдвинутых в науке предложений по совершенствованию правовой регламентации деятельности следователя.

Объект и предмет исследования. В науке уголовно-процессуального права исследования традиционно осуществляются применительно к отдельным правовым институтам, этапам, стадиям. Редко подвергаются исследованию такие группы или совокупности норм, посредством которых регулируется деятельность должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам. Между тем такой подход к исследованию соответствующей совокупности норм (подотрасли) права представляется весьма перспективным, ибо он позволяет подвергнуть соответствующую сферу правового регулирования целенаправленному анализу.

Выделение правового регулирования деятельности следователя в качестве самостоятельного объекта исследования опирается на объективно существующее разделение труда в уголовном процессе и специализацию субъектов процессуальной деятельности, разграничение между ними функций и компетенции, персональной ответственности их за свой участок деятельности.

Нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие деятельность следователя и взятые в совокупности, можно рассматривать как самостоятельную и специфичную подотрасль уголовного-процессуального права. Она объединяет собой нормы,

регламентирующие деятельность следователя в двух стадиях: возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Предметом исследования являются конкретные нормы и институты уголовно-процессуального права, относящиеся к деятельности следователя.

Методология исследования опирается на положения марксистско-ленинской философии, программных документов КПСС и Советского государства. Специфику методологии настоящего исследования составляют использование в качестве стержневого элемента категории «оптимальность права», определенные критерии, позволяющие судить о степени оптимальности изучаемых правообразований, системный подход к изучению соответствующих норм права. Эти основные элементы методологии дополняются широким использованием традиционных методов изучения права.

Обоснованность положений и выводов, содержащихся в диссертации, достигается за счет проработки научной литературы, анализа законодательного материала, широкого применения логико-теоретического, социологического и других методов изучения правовой материи, в том числе использования результатов изучения следственной практики, осуществленного автором по смежным темам НИР ВНИИ МВД СССР в течение 18 лет. В общей сложности использованы материалы изучения в 26 регионах страны около 2000 уголовных дел, опроса 1000 следователей и 90 начальников следственных подразделений. Использован личный опыт работы в предварительном следствии.

Основу диссертации составило самостоятельно проведенное автором исследование по плановой теме «Эффективность правового регулирования деятельности следователя». По шести из одиннадцати смежных плановых тем автор участвовал в качестве соисполнителя, по трем — в качестве руководителя и по двум — исследование проводилось им самостоятельно. По плановым темам, исследование по которым проводилось коллективом, автор участвовал в разработке рабочего инструментария, сборе и обработке эмпирического материала, подготовке научных трудов. В диссертации использованы лишь те конечные научные разработки, которые осуществлены автором самостоятельно.

Научная новизна диссертационного исследования проявляется прежде всего в подходе к решению проблемы. Значительная часть диссертации посвящена разработке концепции оптимальности права, признаков (критериев) его оптимальности, методологии исследования качества правовых образований. Это обусловлено отсутствием в юридической науке достаточно развитой и законченной методологии изучения права. Разработка вопросов представляет научный интерес не только для уголов-

но-процессуального, но и для общей теории права, для некоторых из его отраслей помимо уголовно-процессуального.

Разработанная в диссертации методология исследования основана на определенных общих критериях оптимальности права и сочетании системного подхода к изучению правовых объектов с традиционными методами изучения права. Обоснованная в диссертации классификация норм права, посредством которых регламентирована деятельность следователя, явилась базой для осуществления системного изучения соответствующих правообразований. Такая классификация осуществлена в науке уголовно-процессуального права впервые и имеет самостоятельную научную ценность.

Названные методологические положения определяют **теоретическую значимость** работы и использованы для изучения конкретных норм и институтов, что придало целенаправленность исследованию, позволило выявить актуальные частные проблемы правовой регламентации деятельности следователя, возможности ее развития и сформулировать целый ряд предложений по совершенствованию законодательства, развить аргументацию в пользу предложений, высказанных другими авторами, критически оценить некоторые выдвинутые в литературе предложения.

Практическая значимость работы определяется совокупностью обоснованных диссертантом конкретных предложений о дополнении и изменении уголовно-процессуального законодательства, направленных в конечном счете на совершенствование практической деятельности следователей. Им выдвинуто или поддержано (с развитием аргументации в их пользу) около 60 предложений.

Практическую ценность представляют также те положения диссертации, которые способствуют правильному пониманию и применению действующих правовых норм и институтов.

Положения, выносимые на защиту, в самом общем виде могут быть объединены в группы, относящиеся к разработке:

- 1) методологической концепции исследования;
- 2) предложений по совершенствованию концентрированных форм правового регулирования деятельности следователя (норм, определяющих задачи, функции и принципы этой деятельности);
- 3) предложений по совершенствованию правовых средств осуществления функций, гарантий реализации принципов и условий деятельности следователя;
- 4) путей дальнейшей унификации уголовно-процессуального законодательства союзных республик.

Предложения по совершенствованию правового регулирования деятельности следователя направлены на укрепление правовых средств выполнения задач уголовного судопроизводства, функций следователя, укрепление гарантий прав личности, раз-

витие и дальнейшую демократизацию принципов деятельности следователя.

Внедрение и апробация результатов научной разработки проблемы выражается в двух направлениях. Некоторые выводы теоретического характера положены в основу учебного пособия «Функции следователя» и монографии «Следователь в советском уголовном процессе», подготовленных автором и используемых в учебном процессе Академии, Высшей следственной школы и других учебных заведений МВД СССР.

Положения, касающиеся толкования и применения норм права, регламентирующих деятельность следователя, использованы в ряде методических материалов, опубликованных в журналах «Социалистическая законность», «Советская милиция», в «Бюллетене Главного следственного управления МВД СССР», а также в отдельных брошюрах, изданных в Академии МВД СССР, во ВНИИ МВД СССР и Высшей следственной школе МВД СССР.

Некоторые предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, в обосновании которых автор участвовал, приняты законодательными органами. По отдельным из них автор непосредственно участвовал в подготовке проектных материалов. Часть выводов и положений диссертации апробирована на семи всесоюзных научно-практических конференциях (1972, 1974, 1976, 1977, 1979, 1981, 1986 гг.), на расширенном совещании бюро по координации научных исследований в области советского уголовного процесса и судостроительства совместно с Калининградским государственным университетом (1977 г.), на расширенном заседании научного совета «Закономерности развития государства, управления и права» АН СССР (1976, 1987 гг.), на расширенном заседании координационного совета по проблемам следственной деятельности органов внутренних дел при ВНИИ МВД СССР (1987 г.).

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация, имеющая общий объем 344 страницы машинописного текста, состоит из введения, двух частей, заключения и приложений.

Первая часть диссертации «Общие теоретические проблемы правового регулирования деятельности следователя» состоит из двух глав, включающих в себя шесть параграфов, вторая часть «Актуальные проблемы совершенствования правового регулирования деятельности следователя» — из пяти глав, включающих в себя одиннадцать параграфов.

В приложении № 1 сформулированы предложения об изменениях и дополнениях Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

В приложении № 2 сформулированы предложения по изменению и дополнению УПК РСФСР.

В приложении № 3 обозначена система норм УПК.

Во введении (с. 4—30) обосновывается актуальность исследуемой проблемы правового регулирования деятельности следователя, показано состояние разработки ее в науке уголовно-процессуального права, обозначены цели и задачи исследования, дана характеристика общей методики исследования, его новизны, научной обоснованности и значимости выводов и положений диссертации, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, изложены сведения об апробации результатов исследования.

В главе первой — «Отправные положения и методология исследования правового регулирования деятельности следователя» — раскрываются понятие правового регулирования деятельности следователя, категории и признаки его качественной характеристики, методология исследования.

Применительно к настоящему исследованию обосновывается употребление понятия «правовое регулирование» в узком смысле: как регламентация посредством права порядка действий следователя (в отличие от более широкой трактовки этого понятия как юридического воздействия государства на поведение участников общественных отношений, осуществляемого при помощи права и всей совокупности иных форм и средств).

Анализ широко употребляемого в юридической науке понятия «**эффективность права**» (в том числе правовых институтов и норм) приводит к выводу, что в него вкладываются два различных значения. Первое — как соотношение между фактическим результатом действия норм и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты. Второе — как потенциальную способность правовой нормы оказывать влияние на общественные отношения в определенном направлении.

Суть первой точки зрения заключается в формуле «**эффективность правовых норм** — это свойство их действия» (В. И. Никитинский, Е. С. Самощенко, В. В. Глазырин и другие). Отсюда попытки ее сторонников теоретически обосновать математический метод исчисления эффективности правовой нормы (по определенной формуле). Однако эта идея пока не привела к положительным практическим результатам. Основная причина — почти непреодолимые трудности вычленения эффекта действия права из общего эффекта действия всей совокупности социальных факторов, способствовавших получению результата. Увлечение проблемой использования количественных измерений эффективности норм права безосновательно отодвигает на второй план уже проверенные практикой традиционные методы правовых исследований.

Второе значение понятия «эффективность права» позволяет сосредоточиться непосредственно на достоинствах или недостатках самого права. Его эффективность есть лишь внутреннее свойство самих правовых норм (А. Д. Бойков, А. М. Ларин, Э. А. Фомин, Ф. Н. Фаткуллин, М. П. Шаламов и другие). Но как только мы отрываемся от результата, эффекта действия права, то понятие «эффективность права» сразу приобретает условный характер. По существу, речь идет уже о качестве, о совершенстве правовых норм, их оптимальности. Категория «**оптимальность права**» и положена в основу методологии настоящего исследования в качестве его исходного положения. Применительно к правовому регулированию уголовно-процессуальной деятельности «оптимальность» означает выбор и установление в законе такого порядка действий, который из всех возможных вариантов наиболее благоприятен для достижения задач уголовного судопроизводства.

На основе анализа свойств правообразований выделены следующие общие признаки оптимальности права:

1) обусловленность объективными потребностями и закономерностями развития регулируемой сферы общественных отношений (социальная полезность права);

2) соответствие избранных правовых средств наиболее успешному достижению целей (надежность средств);

3) рациональность правовых форм и средств достижения целей (экономичность);

4) соответствие правовых предписаний нормам нравственности;

5) соответствие правовых норм правилам законодательной техники.

Главным, коренным из указанных признаков является объективная обусловленность правообразования. Но в целом оптимальность правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности обеспечивается интегральным результатом всей совокупности этих признаков.

Признак объективной обусловленности охватывает собой и такие понятия, как **пределы** и **адекватность** правового регулирования. Последнее означает высшую степень соответствия норм права объективным потребностям.

Анализ современного состояния методологии изучения правовой материи дает основание признать наиболее приемлемым методом изучения права (на современном этапе развития юридической науки) **качественный анализ**, достаточно широко апробированный в юридической науке и опирающийся на различные (в зависимости от специфики проблемы) частные методы изучения права (логико-юридический, социологический, исторический, грамматический и др.). Критерием же оценки должны служить не только цели правообразований, отражающие собой правопотребности, но и определенная совокупность показателей,

которые логически вытекают из изложенного выше понятия и признаков оптимальности правового регулирования. Из них следует, что критериями надо считать соответствие правообразования признакам (показателям) оптимальности права, обозначенным выше.

Такое соответствие (или несоответствие, в том числе частичное) определяется путем качественного анализа на основе сведений, позволяющих оценивать данное правообразование с позиции каждого показателя в отдельности и интегрированно, с учетом оценки по отдельным показателям. На основании качественного анализа можно делать оценочные выводы, не поддающиеся точному измерению. Но для поиска путей совершенствования законодательства (а именно в этом состоит основная цель настоящего исследования) обычно не требуется точного измерения социального эффекта нормы или института. Достаточно установить наличие отдельных негативных факторов в данном правообразовании, полное или частичное его несоответствие признакам, определяющим оптимальность права. Несовершенство нормы законодательства во многих случаях доказывается логическим путем с использованием традиционных методов изучения права и не требует применения каких-либо методов, связанных с вычлениением из результата действия данной нормы ее собственного эффекта.

Указанные критерии могут быть использованы для оценки не только отдельных правообразований, но и выдвигаемых предложений по дополнению и изменению уголовно-процессуального закона, а также соответствующих законопроектов.

Узловым вопросом качественного анализа права является анализ правильности выбора целей и отражения их в конкретных правообразованиях. Насколько правильно правовые нормы отражают требования жизни, соответствуют ли они реальному положению вещей, способствуют ли дальнейшему развитию фактических общественных отношений, закрепляют ли именно те отношения, которые должны быть закреплены, — все эти вопросы составляют основу проблемы объективной обусловленности правовых норм. Обусловленность цели нормы, а вместе с ней и самой нормы следует понимать как результат непосредственного действия объективного фактора (выражающего постановку цели) и корректирующего влияния других, более приоритетных целей, обусловленных, со своей стороны, другими объективными потребностями.

Качественный анализ исследуемых правообразований целесообразно осуществлять в определенном «технологическом» порядке. Прежде всего следует оценивать объективную обусловленность правовой нормы (или института). Критериями оценки здесь являются соответствие непосредственной цели нормы более высокой порядковой цели — цели правового института, а также согласованность данной нормы с другими. Полезность

нормы определяется, таким образом, с позиций того целого, частью которого она является. Это — первая и необходимая ступень изучения качества конкретной нормы.

Следующая ступень — это анализ надежности средств достижения цели данной нормы (института, подотрасли). Здесь критерием оценки является максимально возможная (допустимая) обеспеченность достижения поставленной цели.

Последующие ступени изучения качества правообразования включают в себя анализ соответствия данного правообразования другим показателям оптимальности права: рациональности, нравственности, технической безупречности. Такая последовательность проведения качественного анализа диктуется иерархией показателей оптимальности. Обусловленность правообразования объективными потребностями регулируемой сферы общественных отношений, безусловно, является главным, коренным показателем качества права. Если цель правообразования не соответствует действительным потребностям, не имеет надлежащей социальной обусловленности, то утрачивает всякий смысл анализ данного правообразования через призму других показателей. Данное правообразование как бы «на корню» признается неэффективным, лишенным пользы либо даже вредным для достижения вышестоящей цели.

Признав, что цель исследуемого правообразования социально обусловлена и полезна, логично перейти к анализу надежности установленных средств достижения данной цели. Отрицательная оценка их делает малополезным анализ данного правообразования с позиций других признаков оптимальности. В этой ситуации логическим «выходом» должна быть разработка предложения по совершенствованию средств достижения цели.

Одной из основных методологических предпосылок анализа качества исследуемой сферы правового регулирования является системный подход к предмету исследования.

Совокупность норм, регламентирующих деятельность следователя, представляет собой, с одной стороны, сложное структурное образование со множеством специфичных правовых институтов и норм, с другой — составную часть уголовно-процессуального права, часть целого. Без системного подхода к исследованию трудно рассчитывать на правильное познание роли и значения составных частей изучаемой подотрасли права, их соотношения между собой и с другими подотраслями, институтами и нормами права.

Системный метод исследования качества правового регулирования деятельности следователя предполагает осуществление классификации всех норм права, регламентирующих деятельность следователя, по их целевому назначению — главному фактору, определяющему направленность и содержание норм. Такая классификация позволяет установить структуру исследуемой подотрасли права и взаимосвязь ее составных элементов,

проанализировать научную обоснованность и полноту определения (постановки) целей правообразований различного уровня (норм, институтов), правильно соотнести и оценить средства достижения целей. В этом методологическая ценность классификации исследуемых норм права.

В процессе классификации правовых норм по их целевому назначению решается одновременно проблема определения целей каждого структурно самостоятельного правообразования (нормы, института), что само по себе является необходимой методической предпосылкой исследования качества правового регулирования деятельности следователя. Но познание системы отрасли (подотрасли) права имеет и самостоятельное теоретическое значение для углубленного познания сущности и социальной ценности данной отрасли (подотрасли) права и составляющих ее элементов.

С точки зрения методологии классификации важно отметить также следующее. Нормы исследуемой подотрасли права тесно взаимосвязаны между собой и со всей системой норм, в которую они входят. Поэтому цель правовой нормы, как правило, не может быть выведена из нее непосредственно. Необходимо каждый раз отталкиваться от более общих целей. Если норма имеет многоцелевое назначение (а таких в уголовно-процессуальном праве немало), то при классификации она может быть отнесена к нескольким структурным компонентам системы (соответственно заключенным в ней целям). Но при исследовании такой нормы необходимо брать за основу ее главное назначение, выделять ее главную и прямую цель, не сбрасывая со счетов и ее побочное назначение. Любой иной подход неизбежно повлечет односторонность в оценке данной нормы.

Исследование качества правового регулирования деятельности следователя предполагает два этапа анализа конкретных норм и институтов данной подотрасли права. Из того, что, в принципе, можно дать качественную характеристику любой процессуальной норме, вовсе не вытекает, что каждая из них нуждается в специальном исследовании. Необходимость выявления круга проблемных вопросов требует осуществления определенного предварительного анализа соответствующих правообразований (на лабораторном уровне) с позиции общих признаков (критериев) оптимальности права, а затем последующего углубленного изучения тех конкретных правообразований, которые не представляются совершенными.

Результатом этого анализа и явился отбор конкретных проблем для специального исследования во второй части диссертации. Правда, и здесь рассматриваются не все проблемные вопросы, поскольку часть из них уже получила достаточно полную научную разработку.

В главе второй — «Система правовых норм, регламентирующей деятельность следователя» — предварительно проанализи-

рованы уже имеющиеся в науке различные варианты классификации этих норм и показана их неприемлемость с точки зрения целей настоящего исследования. Коль скоро предметом правового регулирования, которое исследуется в диссертации, является деятельность следователя, то логично при раскрытии структуры соответствующих правовых норм исходить из общей структуры самой деятельности, в которую обычно включают задачи, принципы и условия. Каждой из этих категорий соответствует определенный блок правовых норм, регламентирующих деятельность. Но поскольку деятельность следователя, в силу ее специфики, подвергается особо тщательному и детальному регламентированию, в ней достаточно ярко выражены и такие структурные элементы, как средства и формы осуществления функций и реализации принципов. Им соответствуют и определенные блоки норм права. С учетом изложенного нормы, регламентирующие деятельность следователя, по их целевой направленности подразделяются на группы, устанавливающие:

- 1) цели и задачи следователя;
- 2) его функции;
- 3) принципы деятельности;
- 4) средства и формы осуществления этих функций;
- 5) гарантии реализации принципов;
- 6) условия осуществления функций и реализации принципов.

Такова **общая система** изучаемых норм. Оценивая определяющее значение первых трех правовых категорий (задач, функций и принципов) в системе норм, регламентирующих деятельность следователя, необходимо подчеркнуть их важную особенность: все они представляют собой **концентрированную форму** правового регулирования. Они в сжатом виде определяют суть, содержание и характер регулируемой деятельности, представляют как бы ступень всей праворегулирующей системы.

Входящие в общую систему элементы, в свою очередь, подразделяются на более конкретные составные части (компоненты) и образуют соответствующие подсистемы норм. В диссертации обосновывается следующая классификация норм, входящих в основные звенья указанной выше общей системы (кроме нормы, устанавливающей цели деятельности следователя, поскольку эти цели полностью совпадают с общими целями уголовного судопроизводства).

Нормы, устанавливающие такие **задачи** следователя, как:

- 1) быстрое и полное раскрытие преступлений и изобличение виновных;
- 2) обеспечение иных условий для привлечения каждого виновного к ответственности в соответствии с законом;
- 3) ограждение невиновных от неосновательного обвинения в совершении преступлений;

4) выявление и устранение причин, способствующих совершению преступлений.

Нормы, устанавливающие **процессуальные функции** следователя:

- 1) рассмотрение заявлений и сообщений о преступлении;
- 2) исследование обстоятельств дела;
- 3) обвинение в совершении преступления;
- 4) ограждение граждан от неосновательного обвинения в совершении преступления;
- 5) обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и исполнения приговора в части конфискации имущества;
- 6) принятие мер к устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления;
- 7) розыск обвиняемых, место нахождения которых неизвестно;
- 8) прекращение уголовных дел при наличии к тому законных оснований.

Каждой из названных функций соответствует группа норм, регламентирующих средства и формы осуществления функций.

Нормы, устанавливающие **принципы** деятельности следователя:

- 1) социалистическая законность;
- 2) публичность;
- 3) осуществление предварительного следствия на началах равенства граждан перед законом;
- 4) национальный язык предварительного следствия;
- 5) всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела;
- 6) обеспечение прав и законных интересов участвующих в деле лиц, обеспечение права обвиняемого на защиту;
- 7) презумпция невиновности;
- 8) быстрота производства предварительного следствия;
- 9) процессуальная самостоятельность и ответственность следователя.

К числу общих **правовых условий** деятельности следователя относятся правила, устанавливающие: 1) органы предварительного расследования и распределение между ними обязанностей по расследованию преступлений; 2) место производства следствия; 3) обязательное и достоверное закрепление (документирование) решений по основным вопросам следствия, а также хода и результатов всех следственных и иных процессуальных действий; 4) сроки предварительного расследования и порядок их продления; 5) соединение, выделение уголовных дел; 6) властные полномочия следователя по отношению к органу дознания; 7) обязательность постановлений следователя для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами; 8) возможность рас-

следования преступлений группой следователей; 9) привлечение общественности к участию в раскрытии и расследовании преступлений; 10) основания и порядок задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления; 11) основания и порядок применения мер пресечения; 12) основания и порядок приостановления и возобновления предварительного следствия.

Перечисленные условия деятельности следователя имеют общий характер в силу того, что каждое из них в той или иной степени служит интересам успешного выполнения функций следователя и реализации всех или многих принципов его деятельности.

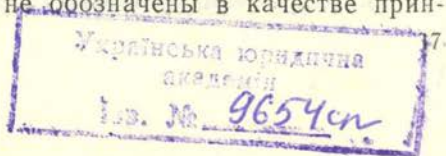
В диссертации дан критический анализ иных взглядов на систему норм права, устанавливающих процессуальные функции, принципы и условия деятельности следователя.

Вторая часть диссертации, посвященная исследованию конкретных актуальных проблем правового регулирования деятельности следователя, построена в основном соответственно изложенной системе изучаемых норм.

В третьей главе — «Совершенствование концентрированных форм правового регулирования деятельности следователя» — проводится анализ полноты и точности отражения в уголовно-процессуальном законе задач и функций следователя, принципов его деятельности. Он позволил сформулировать ряд предложений по совершенствованию общих норм уголовно-процессуального законодательства. Статью 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР предлагается соответственно ее содержанию назвать «Задачи и цели уголовного судопроизводства». Текст части первой этой статьи нуждается в уточнении: содержащаяся в нем фраза «чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию» не охватывает такого вида юридической ответственности, как освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к мерам общественного воздействия. Правильнее было бы указать: «чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливой ответственности в соответствии с законом». Такой формулировкой охватывалась бы также задача обеспечения возмещения материального ущерба, причиненного преступлением.

Исходя из многогранности деятельности следователя целесообразно обозначить в виде перечня все процессуальные функции следователя в ст. 125 УПК РСФСР и назвать ее «Органы расследования и основные направления деятельности следователя». Подобным образом вопрос решен, например, в Законе о Прокуратуре СССР, ст. 3 которого называется «Основные направления деятельности прокуратуры» и содержит перечень этих направлений.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве наиболее важные, принципиальные положения не отграничены от иных общих положений и не обозначены в качестве прин-

ципов, что снижает их регулирующее воздействие и не соответствует современной тенденции формирования законодательства. В целях повышения эффективности правового регулирования деятельности органов государства, осуществляющих производство по уголовным делам, и дальнейшей демократизации советского уголовного процесса следовало бы, как представляется, перенять из других отраслей права опыт прямого закрепления основополагающих положений в качестве принципов, дополнив Основы уголовного судопроизводства и УПК союзных республик специальной нормой с перечнем принципов уголовного процесса.

В ст. 30 УПК РСФСР принятие мер по возмещению материального ущерба связано только с обеспечением предъявленного или возможного в будущем гражданского иска. Но своевременные меры следователя по обеспечению возмещения материального ущерба и реальное возмещение его в процессе расследования нередко предупреждают и снимают сам вопрос о гражданском иске. Кроме того, суд при постановлении приговора вправе по собственной инициативе (без гражданского иска) разрешить вопрос о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением (ч. 4 ст. 29 УПК). Таким образом, основанием, порождающим обязанность следователя (а равно органа дознания, прокурора, суда) принимать меры по обеспечению возмещения материального ущерба, является наличие достаточных данных о причинении преступлением материального ущерба, а не предъявленный или возможный в будущем гражданский иск. Исходя из этого было бы точнее предусмотреть в ч. 1 ст. 30 УПК обязанность «принять меры обеспечения возмещения материального ущерба, причиненного преступлением», как это указано в самом названии данной статьи (критерий: объективная обусловленность).

Специального раскрытия и закрепления в законе заслуживает, на наш взгляд, принцип презумпции невиновности. Среди юристов (как научных, так и практических работников) намечилось весьма существенное расхождение в его понимании. Последнее обстоятельство в немалой степени объясняется тем, что идея презумпции невиновности не имеет прямого и четкого выражения в законе и лишь косвенно выражена в ряде его норм.

В диссертации обосновывается следующая формулировка презумпции невиновности как уголовно-процессуального принципа: обвиняемый не считается виновным, пока его виновность не будет доказана и установлена в предусмотренном законом порядке.

Четвертая глава — «Актуальные проблемы правового регулирования средств и форм осуществления следователем процессуальных функций» — посвящена исследованию группы вопросов по конкретным функциям следователя.

В § 1 обосновывается вывод о неоправданной ограниченности и недостаточной надежности средств для установления наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела или отказу в этом, отсутствии преемственности (с точки зрения процесса доказывания) между стадиями возбуждения дела и расследования. Вносятся ряд вытекающих из этого предложений: разрешить в стадии возбуждения уголовного дела производство допроса свидетелей, криминалистических и судебно-медицинских экспертиз, получение заключений от специалистов.

В § 2 развиваются аргументы в поддержку предложений: закрепить в ст. 14 Основ в качестве цели и предела исследования обстоятельств дела установление истины; допустить во всех союзных республиках такое следственное действие, как «проверка показаний на месте»; регламентировать порядок истребования и получения предметов и документов; сформулировать в законе общие условия применения научно-технических средств и приемов (перечень их предлагается); расширить возможности использования помощи специалистов в стадии расследования преступлений; отменить запрет производства экспертизы лицом, участвовавшим в деле в качестве специалиста.

Обосновывается целесообразность предусмотреть в законе не только осмотр, но и исследование места происшествия и предметов, дополнить закон нормой о порядке назначения и производства ревизии (текст нормы предлагается), возложить обязанность на гражданского истца представлять следователю имеющиеся в его распоряжении документы, связанные с предъявленным иском.

В числе вопросов, связанных с осуществлением функции обвинения (§ 3), раскрывается неоправданное ограничение полномочий следователя в части возможности официального признания лица подозреваемым, в результате чего лица, фактически подозреваемые в совершении преступления, фигурируют в деле в качестве свидетелей и следователь лишен юридических оснований задавать им вопросы о причастности к преступлению. На практике это зачастую ведет к нарушениям законности.

В юридической литературе правовой институт обвинения нередко трактуется как привлечение к уголовной ответственности, хотя для этого нет ни теоретических, ни юридических оснований. Такая трактовка искажает существо процессуального института обвинения, придает ему двусмысленный характер и не соответствует материально-правовому пониманию уголовной ответственности. В свете этого констатируется несовершенство ст. 234 УПК РСФСР, а также ст. 3 Закона о Прокуратуре СССР.

В постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого довольно часто отсутствует указание на юридическую формулировку обвинения, что снижает точность и ясность обвинения.

Включение в ч. 1 ст. 144 УПК соответствующего требования позволит избавиться от этого недостатка.

Критически оценивается предложение установить, «что, вынося постановление о привлечении в качестве обвиняемого, следователь не предпринимает вопроса о виновности, а высказывает лишь предположение, основанное на имеющихся материалах дела» (В. П. Нажимов). Возражение вызывает последняя часть этого предложения. Обосновывается также несогласие автора с позицией тех, кто считает необходимым ввести правило, согласно которому любой вид освобождения от уголовной ответственности мог бы применяться только после привлечения лица в качестве обвиняемого. Уточнение правового положения и обеспечение прав лиц, в отношении которых дело прекращается по нереабилитирующему основанию без предъявления обвинения, заслуживают специального правового решения, о чем вносятся соответствующие предложения.

Параграф 4 включает в себя правовые проблемы, связанные с ограждением от неосновательного обвинения. Здесь показана необходимость установления в законе общего требования о вынесении реабилитирующего постановления в тех случаях, когда подозрение не подтвердилось, а также о вынесении постановления об отказе от уголовного преследования лица, в отношении которого в деле имеются данные о причастности к преступлению, не нашедшие подтверждения в ходе следствия.

Требует законодательного решения и ряд вопросов обеспечения возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и исполнения приговора в части конфискации имущества (§ 5). Статья 86 УПК (п. 4) предписывает выдавать вещи (из числа вещественных доказательств) законным владельцам. Понятие «вещи» не охватывает деньги и ценности (например, похищенные), хотя на практике их тоже возвращают владельцу. Налицо пробел, требующий восполнения. То же самое отмечается относительно ст. 30 УПК, которая не требует принятия мер против сокрытия денег и ценностей, нажитых преступным путем, и ст. 175 УПК, которая не предусматривает возможность наложения ареста на имущество в целях обеспечения возможного разрешения судом по своей инициативе вопроса о возмещении материального ущерба.

По УПК большинства союзных республик допускается наложение ареста на имущество подозреваемого. Однако, как уже отмечалось, фактическое подозрение лица в совершении преступления далеко не всегда ставит его в положение подозреваемого в процессуальном смысле. Такое положение ограничивает возможность наложения ареста на имущество и тем самым препятствует успешному осуществлению следователем функции обеспечения возмещения материального ущерба и возможной конфискации имущества. Это является еще одним аргументом в пользу приведения в соответствие фактического

и процессуального понятий подозреваемого, о чем говорилось выше.

Обосновываются вывод об излишней категоричности ст. 175 и предложение дополнить часть первую этой статьи следующей нормой: «Арест на имущество в целях обеспечения возмещения материального ущерба не налагается, если ущерб является незначительным и нет оснований сомневаться в том, что он может быть возмещен без наложения ареста на имущество». Приводятся доводы в пользу наделения следователя правом предъявить гражданский иск по делу, когда этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан (в настоящее время такое право предоставлено только прокурору).

Параграф 6 посвящен рассмотрению некоторых вопросов, связанных с прекращением следователями уголовных дел. Одним из главных из них является вопрос о правовых основаниях признания лица виновным при прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию. Отмечается противоречивость законодательного решения этого вопроса, расхождение уголовно-процессуального законодательства в данном вопросе со ст. 160 Конституции СССР. В определенной мере это расхождение внешне ликвидировано с введением понятия «деяние, содержащее признаки преступления». Однако такое решение, во-первых, теоретически несостоятельно, во-вторых, не решило полностью проблемы, особенно по делам, которые прекращаются за истечением срока давности, вследствие акта амнистии, в отношении умершего. Все это требует научного поиска и логичного законодательного решения этой проблемы.

Вызывает возражения категоричность правила, согласно которому при прекращении уголовного дела орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации и передаются в соответствующие учреждения или уничтожаются (п. 1 ст. 86 УПК). Предлагается более гибкая форма решения этого вопроса: установить, что орудия преступления, как правило, подлежат конфискации; допустить, что при освобождении от уголовной ответственности предметы, использованные в качестве орудия преступления и представляющие материальную ценность, могут быть возвращены виновному по его просьбе, если нет оснований опасаться использования их вновь для совершения преступления.

Обосновывается вывод о целесообразности предоставления следователю права разрешать гражданский иск при прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию с надением гражданского ответчика правом, в случае несогласия с решением следователя, требовать рассмотрения иска в порядке гражданского судопроизводства.

Пятая глава — «Проблемы совершенствования правовых гарантий реализации следователем процессуальных принципов».

Группа исследуемых вопросов связана с совершенствованием правовых гарантий законности деятельности следователей. В их числе вопросы о направлении прокурору по окончании расследования не только дел с обвинительным заключением, но и прекращенных дел с возложением на него обязанности в течение пяти дней проверить законность принятого по делу решения; о предоставлении начальнику вышестоящего следственного отдела права отменять постановления следователя о прекращении дела, не требующие согласия прокурора. Обосновывается вывод о том что обжалование прокурору постановления следователя о прекращении уголовного дела является правомерным и по истечении пятидневного срока, предусмотренного ст. 209 УПК РСФСР. Этот срок не имеет своей целью ограничить право заинтересованного лица на обжалование принятого решения. Предлагается соответствующее уточнение ст. 7, 8, 9 и 209 УПК.

Оспариваются выдвинутые некоторыми учеными предложения: 1) запретить проведение дополнительного расследования тем же следователем, который вел следствие (И. Л. Петрухин, А. П. Данилюк); 2) запретить допрашивать потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, которые в силу своих физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания (М. М. Михеенко); 3) установить свидетельский иммунитет близких родственников (Л. Д. Корева).

В группе вопросов по укреплению правовых гарантий обеспечения прав и законных интересов участников процесса и права обвиняемого на защиту выдвигаются предложения об установлении в законе требований о разъяснении подозреваемому прав непосредственно после поставления его в это положение, о перечислении прав потерпевшему и гражданскому истцу в письменном уведомлении их о признании потерпевшим или гражданским истцом (если направляется такое уведомление), о сообщении в течение 24 часов близким родственникам (семье) арестованного, а также по месту работы об аресте подозреваемого и обвиняемого. Предлагается установить: срок допроса подозреваемого, в отношении которого избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде; обязанность следователя разъяснить обвиняемому его право знакомиться с заключением экспертизы, которое получено до привлечения лица в качестве обвиняемого; обязанность предложить лицу, непосредственно заинтересованному в исходе дела и действия которого являются предметом экспертного исследования, ознакомиться с постановлением о назначении экспертизы для выяснения необходимости постановки перед экспертом дополнительных вопросов или иного уточнения постановления; обязанность следователя ознакомить потерпевшего и гражданского истца, в случае их ходатайства об этом, с материалами прекращенного уголовного дела.

Приводятся возражения против предложения разрешить помещать в медицинское учреждение для судебно-психиатрической экспертизы не только обвиняемого и подозреваемого, но и лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности.

Нуждаются в совершенствовании и правовые гарантии обеспечения права обвиняемого на защиту. В юридической литературе и на практике неоднозначно толкуется ч. 2 ст. 50 УПК (о необязательности для суда, следователя и прокурора отказа обвиняемого от защитника, когда его участие по закону является обязательным). Избежать этого поможет следующая редакция данной нормы: «Отказ от защитника допустим лишь для замены защитника». Не вполне ясен также вопрос, является ли пятидневным срок, на который может быть отложено предъявление обвиняемому материалов дела для выбора защитника, обязательным для следователя. Обосновывается целесообразность дополнения ч. 2 ст. 201 следующей нормой: «В исключительных случаях ознакомление с материалами дела может быть отложено на срок до десяти суток по мотивированному постановлению следователя».

Установленный законом порядок уведомления обвиняемого о прекращении в отношении его дела (ч. 3 ст. 209 УПК) не в полной мере обеспечивает право обвиняемого на защиту. В связи с этим предлагается возложить на следователя обязанность выдавать или направлять по заявлению лица, в отношении которого дело прекращается по нереабилитирующему основанию, копию постановления о прекращении дела.

Обвиняемый имеет право по окончании предварительного следствия знакомиться с материалами дела (ч. 3 ст. 46 УПК), в том числе с помощью защитника (ч. 1 ст. 47 УПК). Эти общие нормы имеют отношение и к делам, которые прекращаются в стадии расследования. Однако в главах УПК союзных республик, посвященных окончанию предварительного следствия, содержатся лишь правила ознакомления с материалами дела, расследование которого завершается составлением обвинительного заключения. Такая регламентация не в полной мере соответствует интересам обеспечения права обвиняемого на защиту, поскольку в стадии расследования довольно значительное количество дел прекращается по нереабилитирующим основаниям. Для устранения указанного пробела в законодательстве целесообразно изложить ч. 1 ст. 201 УПК следующим образом: «Признав собранные доказательства достаточными для составления обвинительного заключения или постановления о прекращении дела . . .» (далее по тексту).

Осуществление следователем функции ограждения от неосновательного обвинения ограничивается чаще всего вынесением реабилитирующего постановления. Но для охраны законных интересов лица, привлекавшегося по делу в качестве подозреваемого или обвиняемого, этого не всегда достаточно. Ведь о

факте подозрения или обвинения в совершении преступления иногда становится известно широкому кругу людей (по месту жительства, работы). Вынесение же реабилитирующего постановления само по себе не всегда устраняет отрицательные последствия такой осведомленности. Поэтому представляется целесообразным установить в УПК союзных республик требование, обязывающее следователя при вынесении реабилитирующего постановления принимать необходимые меры к аннулированию отрицательных последствий подозрения или обвинения лица, вручать ему по его просьбе копию постановления о прекращении дела либо, если об этом есть просьба реабилитированного лица, письменно ставить в известность о своем решении трудовой коллектив или общественные организации по месту жительства.

В плане совершенствования правовых гарантий быстроты предварительного следствия предлагается конкретизировать ч. 3 ст. 48 УПК, в которой предусмотрено право следователя предложить обвиняемому пригласить другого защитника или назначить его через коллегия адвокатов, когда участие избранного обвиняемым защитника невозможно в течение длительного срока. Действующая редакция этой нормы (в силу неопределенности срока) создает возможность использования ее обвиняемым для искусственного затягивания следствия.

Оспаривается выдвинутое в литературе предложение «предусмотреть в УПК обязанность следователя приступить к окончанию предварительного следствия незамедлительно после проведения следственных действий по сбору доказательств и не позднее семи суток до истечения срока расследования».

Повышению роли и процессуальной самостоятельности следователя способствовало бы также предоставление ему в законодательном порядке права предъявлять гражданский иск, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан, а также разрешать гражданский иск при прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию.

С позиции укрепления гарантий процессуальной самостоятельности следователя рассматривается вопрос о целесообразности выделения следователей из подчинения различных ведомств и создания самостоятельного следственного комитета СССР. Приводятся аргументы в поддержку предложения о расширении круга вопросов, по которым указания прокурора и начальника следственного отдела не являются для следователя обязательными, в частности о включении в него вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (В. М. Савицкий).

Оспаривается предложение предусмотреть в законе обязательность присутствия понятых для удостоверения отказа об-

виняемого от ознакомления с материалами дела при окончании следствия (Н. П. Митрохин).

В шестой главе — «Некоторые проблемы совершенствования общих правовых условий деятельности следователя» — рассмотрению подвергнуты вопросы развития и укрепления правовых предпосылок выполнения следователем стоящих перед ним задач.

Предлагается предусмотреть в числе оснований для передачи дела по подследственности (ч. 2 ст. 132 УПК) дополнительные основания (например, направление дела в иной следственный орган по территориальности) для обеспечения наибольшей быстроты, объективности и полноты расследования по месту обнаружения (нахождения) подозреваемого, обвиняемого или большинства свидетелей.

На практике следователи обычно сами выносят постановление о направлении дела по подследственности и представляют его прокурору для утверждения. Едва ли можно возражать против такой практики. Поэтому закон целесообразно привести в соответствие с ней и изложить вторую часть данной нормы следующим образом: «... вынести мотивированное постановление о направлении дела по подследственности и представить его прокурору для утверждения».

Обосновывается необходимость предоставления следователям права давать указания и поручения органу дознания не только по уголовным делам, но и по находящимся у них на рассмотрении заявлениям и сообщениям о преступлении. Ставится под сомнение целесообразность сохранения возможности применения меры пресечения в виде заключения под стражу по мотивам одной лишь опасности и предлагается предусмотреть в законе взамен подписки о невыезде такую меру пресечения, как обязательство о надлежащем поведении и невыезде, суть которой должна состоять в даче обвиняемым или подозреваемым письменного обязательства о безупречном поведении, недопущении каких-либо действий во вред расследованию или рассмотрению дела, а также невыезде с постоянного места жительства без разрешения органа, в производстве которого находится уголовное дело.

Следователю приходится чаще всего использовать такие формы процессуального документирования, как протокол и постановление. Однако для отдельных случаев закон предусматривает особую (упрощенную) форму удостоверения тех или иных действий — соответствующую отметку на определенном процессуальном документе, удостоверяемую подписями следователя и лица, участвовавшего в выполнении удостоверяемого действия.

В диссертации показаны возможности дальнейшей рационализации форм документирования тех или иных процессуальных действий и решений. Вносятся соответствующие предложения по дополнению и изменению УПК союзных республик.

Представляется сомнительным порядок вынесения постановления при возобновлении производства по уголовному делу. В соответствии с законом следствие возобновляется после того, как отпадают основания для приостановления или возникает необходимость производства дополнительных следственных действий. И в том и в другом случае следователь обязан возобновить следствие. Причем его решение об этом достаточно ясно выражается самим фактом производства какого-либо следственного действия. Примечательным в этом отношении является решение рассматриваемого вопроса в УПК Венгерской Народной Республики: «Действие постановления о приостановлении следствия прекращается с возобновлением следственных действий; одновременно начинается течение срока следствия» (п. 3 ст. 130).

Но восприятие такой нормы возможно лишь с одновременным изменением порядка установления дополнительного срока следствия в связи с возобновлением производства. По действующему закону следователь в этом случае обращается к прокурору и тот устанавливает срок дополнительного следствия (за исключением случая, когда дело было приостановлено до истечения срока следствия). Очевидно, можно непосредственно в законе установить срок дополнительного следствия в пределах одного месяца с момента возобновления производства по делу, а дальнейшее продление срока осуществлять на общих основаниях. Это избавит следователя от необходимости обращаться к прокурору без действительной надобности в этом.

Уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность использования наряду с письменной формой документирования технических средств звукозаписи и наглядного изображения. Причем в ряде случаев закон оговаривает пределы их применения. Так, согласно УПК РСФСР (ст. 141¹) применение звукозаписи допускается лишь в случае допроса, хотя совершенно очевидно, что звукозапись может с успехом применяться, а на практике и применяется при производстве других следственных действий (очной ставки, проверки показаний на месте, предъявлении для опознания и др.). Очевидно было бы правильно отказаться от указаний в законе пределов применения удостоверительной техники и предоставить следователю возможность самому определять целесообразность и необходимость использования соответствующих средств при производстве следственных действий. Что же касается порядка их использования, то он, как представляется, должен быть в основном унифицированным для всех средств фиксации с указанием в случае необходимости специфических правил для отдельных из них.

Анализ ст. 141¹ УПК, регламентирующей порядок применения звукозаписи, показывает, что она в большинстве своем повторяет требования, содержащиеся в ст. 141 УПК. Часть правил

рассматриваемой статьи, определяющих специфичную и сложную процедуру применения звукозаписи, не отвечает современным достижениям науки в идентификации речи по фонограммам и может быть отменена.

В науке уголовного процесса разработано немало других предложений по совершенствованию законодательства в части документирования на предварительном следствии, заслуживающих, на наш взгляд, внимания законодателя. Однако есть и такие предложения, которые не имеют под собой достаточных оснований и вместе с тем не согласуются с требованием рационализации уголовного процесса. К их числу, по нашему убеждению, следует отнести следующие предложения: оформлять постановлением решение следователя об окончании собирания доказательств по делу, составлять протокол предъявления обвинения, приглашать понятых для удостоверения отказа обвиняемого от подписи при предъявлении обвинения и отказа от ознакомления с делом, выносить специальное постановление о допуске адвоката к участию в следственных действиях. Реализация этих предложений повлекла бы лишь искусственное загромождение процесса документирования на предварительном следствии.

В практике не являются редкостью случаи, когда все необходимые следственные действия, а также все меры к обнаружению и установлению лица, совершившего преступление, выполнены задолго до истечения двухмесячного срока. В таких случаях дело, как правило, в течение оставшегося до конца срока времени находится без движения, т. е. фактически производство по делу приостанавливается. Юридически же дело может быть приостановлено лишь по истечении двух месяцев. Таким образом, получается разрыв между фактическим и юридическим приостановлением следствия. В связи с этим подвергнуто критическому анализу такое условие приостановления предварительного следствия, как истечение срока расследования.

Требуется расширение полномочий следователя в части возобновления прекращенных им уголовных дел. Следовало бы, в частности, установить правило, разрешающее следователю своим постановлением возобновлять производство по уголовному делу, если оно прекращено по любому нереабилитирующему основанию, а обвиняемый возражает против прекращения дела по данному основанию.

Обосновывается необходимость изменения порядка продления сроков следствия и содержания обвиняемых под стражей. Действующий порядок отличается чрезмерной централизацией решения этих вопросов, большими потерями рабочего времени следователями и прокурорами. Оперативное, принципиальное и ответственное разрешение этих вопросов по существу подменяется вовлечением в их решение большого числа ответственных работников и проведением коллегиальных обсуждений на раз-

личных уровнях. Между тем в распоряжении местных районных прокуроров имеется достаточно средств для обеспечения своевременного расследования уголовных дел, а в необходимых случаях — и для повышения ответственности следователя.

Есть все основания расширить полномочия местных прокуроров (районов, городов, областей) в продлении сроков следствия и содержания обвиняемых под стражей.

Требует законодательного решения и вопрос о продлении срока следствия при возвращении уголовного дела для дополнительного расследования прокурором. По действующему законодательству прокурор района (города), имея право возвратить уголовное дело для дополнительного расследования, не может установить необходимый для этого срок. Если срок следствия по данному делу истек или оставшегося срока для выполнения указаний прокурора недостаточно, следователь, для которого указания прокурора обязательны, вынужден составлять постановление и обращаться к вышестоящему прокурору за продлением срока. Можно непосредственно в законе установить срок дополнительного следствия в пределах одного месяца с момента возобновления производства по уголовному делу или возвращения его для дополнительного расследования, а дальнейшее продление осуществлять на общих основаниях.

По мнению автора, в срок содержания обвиняемого под стражей в период производства предварительного следствия не входит время, в течение которого прокурор обязан принять решение по делу, поступившему к нему с обвинительным заключением. С учетом этого вносится предложение дополнить ст. 34 Основ уголовного судопроизводства указанием на то, что в срок содержания под стражей при расследовании дела включается время нахождения лица под стражей до направления дела прокурору.

Седьмая глава — «Проблема унификации и дифференциации правового регулирования деятельности следователя» — содержит теоретическое обоснование возможностей и пределов унификации и дифференциации правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности. Здесь раскрывается объективная потребность развития обеих этих форм регулирования в зависимости от специфики и характера регулируемых отношений. Одним из актуальных вопросов, основанным на дифференциации процессуальной формы, является допустимость упрощенного производства по некоторым категориям преступлений. В диссертации не рассматривается порядок протокольной формы досудебной подготовки материалов. Исследуется лишь вопрос о теоретической и практической обоснованности этого института. От решения этого вопроса в конечном счете во многом зависит и решение вопроса о предметной подследственности следователей, особенно в связи с реальной перспективой ликвидации дознания как самостоятельной формы расследования преступлений.

Приведены доводы в пользу широкого использования протокольного производства по очевидным преступлениям, не представляющим большой общественной опасности.

С позиции дальнейшей унификации уголовно-процессуально-го законодательства рассматривается проблема создания типового (примерного) УПК союзной республики. В уголовно-процессуальных кодексах союзных республик имеются существенные расхождения в регулировании деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, защитников, а также в обеспечении прав и законных интересов участников процесса. Подобные различия в определенной мере явились следствием недостаточной теоретической разработанности тех или иных вопросов в науке, отсутствия единства взглядов по некоторым вопросам ученых и практиков, участвовавших в разработке уголовно-процессуального законодательства союзных республик. Существенные различия в порядке производства по уголовным делам не могут быть объяснены национальными и местными особенностями союзных республик.

За двадцатипятилетний период накоплен большой опыт применения норм действующего уголовно-процессуального права. Учеными подвергнуты изучению почти все его основные институты и нормы, проведены сравнительные исследования особенностей регламентации тех или иных вопросов законодательством союзных республик, разработано большое количество предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. С учетом этого обосновывается вывод, что уголовно-процессуальное законодательство союзных республик нуждается в новой кодификации и дальнейшей унификации.

* * *

*

В заключении сделан общий вывод о том, что правовое регулирование деятельности следователя нуждается в серьезном совершенствовании. Методологической базой для разработки соответствующих предложений могут служить разработанные в диссертации концепция оптимальности правового регулирования деятельности следователя и системный подход к исследованию правообразований, основанный на классификации норм права, регламентирующих деятельность следователя, по их целевой направленности.

Предложения по совершенствованию законодательства, обоснованные в диссертации, сведены в единый перечень, причем предложения в нем не только выражены в форме идеи, но и сформулированы в качестве конкретного проектно-нормативного материала применительно к действующему законодательству.

Предложения направлены на уточнение и развитие концентрированных форм регулирования деятельности следователя (от-

носителю задач, функций, принципов), повышение надежности и рациональности средств и форм осуществления процессуальных функций следователя, укрепление и развитие гарантий реализации процессуальных принципов в его деятельности, совершенствование общих правовых условий успешного осуществления следователем своих функций и реализации при этом процессуальных принципов.

В предложениях получили отражение также направленность на демократизацию и расширение гласности на предварительном следствии, укрепление гарантий прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Работы автора, опубликованные по теме диссертации:

1. Следователь в советском уголовном процессе. — М.: Юрид. лит., 1981. — 10,9 п. л.
2. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. — М.: Юрид. лит., 1976. — 8,0 п. л.
3. Порядок продления срока следствия и его недостатки // Соц. законность. 1970. № 10. — 0,4 п. л.
4. Вопросы совершенствования уголовно-процессуальных норм, регламентирующих формы процессуального документирования // Труды/ВНИИ МВД СССР. 1971. № 19. — 0,75 п. л.
5. Понятие и виды процессуальных сроков // Труды/ВНИИ МВД СССР. 1972. № 21. — 0,4 п. л.
6. Быстрота уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. 1973. № 18. — 1,0 п. л.
7. К вопросу о процессуальной экономии и рационализации предварительного расследования преступлений // Труды/ВНИИ МВД СССР. 1978. № 47. — 1,0 п. л.
8. Особенности прокурорского надзора за предварительным следствием // Труды/Омская ВШМ МВД СССР. 1977. Вып. 24. — 1,0 п. л.
9. Некоторые вопросы совершенствования правовой регламентации документирования на предварительном следствии // Проблемы предварительного следствия. — Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. № 9. — 0,5 п. л.
10. Процессуальные сроки как средство обеспечения быстроты расследования и охраны прав его участников. — Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976. — 3,3 п. л.
11. Понятие процессуального задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Труды/ВНИИ МВД СССР. 1975. № 35. — 1,0 п. л.
12. Некоторые вопросы правовой регламентации обжалования на предварительном следствии // Актуальные вопросы теории и истории права и применения советского законодательства: Сборник статей. — Душанбе, 1975. — 0,5 п. л. (в соавт.).
13. О возможностях рационализации и дифференциации уголовного судопроизводства // Труды/ВНИИ МВД СССР. 1975. № 38. — 1,0 п. л.
14. О совершенствовании законодательной регламентации предварительного расследования // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. — Л.: Изд-во Всесоюзного ин-та Прокуратуры СССР, 1976. — 0,25 п. л.
15. Совершенствовать практику и нормативное регулирование избрания мер пресечения // XXV съезд и задачи следственного аппарата. — Волгоград, 1977. — 0,5 п. л.

16. К вопросу о неотвратимости наказания и освобождении от уголовной ответственности по советскому уголовному праву // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. — М.: Изд-во ИГПАН СССР, 1976. — 0,5 п. л.

17. Неотвратимость ответственности и некоторые вопросы ее реализации в уголовном и уголовно-процессуальном праве // Труды/ВНИИ МВД СССР, 1978. № 44. — 1,5 п. л.

18. Совершенствование гарантий прав личности при производстве экспертизы и окончании следствия // Проблемы предварительного следствия. — Волгоград, 1978. Вып. 8. — 0,5 п. л.

19. Укрепление гарантий свободы личности на предварительном следствии и дознании // Сов. милиция. 1977. № 10. — 0,5 п. л.

20. Законность предварительного заключения под стражу // XXV съезд КПСС и задачи следственного аппарата. — Волгоград, 1977. — 0,5 п. л.

21. О перспективах совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Развитие науки и практики уголовного судопроизводства в свете требований Конституции СССР. — М.: Изд-во Ин-та Прокуратуры СССР, 1978. — 0,4 п. л.

22. О путях углубления дифференциации досудебной подготовки материалов о преступлениях // Труды/Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1979. № 29. — 0,5 п. л.

23. О правовой регламентации научно-технических средств при расследовании преступлений // Применение научно-технических методов и средств в оперативно-розыскной и следственной деятельности органов внутренних дел. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1978. — 0,3 п. л.

24. Обоснованность задержания и предварительного заключения под стражу // Вопросы повышения эффективности и качества предварительного следствия. — Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. — 0,4 п. л.

25. Обеспечение следователем возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1978. — 4 п. л. (в соавт.).

26. Комментарий Положения о предварительном заключении под стражу. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1979. — 4 п. л. (в соавт.).

27. Комментарий Положения о порядке задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления. — М.: Юрид. лит., 1981. — 3 п. л. (в соавт.).

28. О развитии гарантий прав личности на предварительном следствии // Задачи следственного аппарата органов внутренних дел в свете новой Конституции СССР. — Волгоград, 1979. — 0,4 п. л.

29. Совершенствовать взаимодействие следователей и органов дознания на первоначальном этапе расследования преступлений // Сов. милиция. 1981. № 8. — 0,3 п. л.

30. Функции следователя. — М.: Академия МВД СССР, 1981. — 4 п. л.

31. О повышении надежности доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы надежности доказывания в советском уголовном процессе. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1981. — 0,2 п. л.

32. Дознание по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия (глава в учебном пособии «Дознание в советском уголовном процессе»). — М.: МВШМ МВД СССР, 1986. — 2,0 п. л.

33. Проблема изучения эффективности правового регулирования деятельности следователя: Методологический аспект // Проблемы предварительного расследования: Труды/ВНИИ МВД СССР, 1986. — 0,8 п. л.

34. Дальнейшая дифференциация уголовных деяний и ее процессуальный аспект // Сов. гос. и право. 1986. № 7. — 0,7 п. л.

35. Актуальные вопросы задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления // Проблемы предварительного расследования: Труды/ВНИИ МВД СССР, 1987. — 0,5 п. л. (в соавт.).

36. Разъяснение процессуальных прав участникам предварительного расследования: Тезисы // Укрепление соц. законности и охраны прав граждан в органах внутренних дел: Материалы конференции. — М.: МВШМ МВД СССР, 1987. — 0,1 п. л.

37. Социально-политический аспект презумпции невиновности // Сов. гос. и право. 1988. № 4. — 0,7 п. л.

38. Совершенствовать организационное построение следственного аппарата // XXVII съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка. — М.: ИГПАН СССР, 1988. — 0,2 п. л.

Анатолий Петрович Гуляев
Корректор **Л. А. Малюткина**

Подписано в печать 13.09.88.

Печ. л. 2,0.
Тираж 80 экз.

Уч.-изд. л. 2,0.
Заказ 95дсп

Типография Академии МВД СССР, Москва